

ОДИНОЧЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЯ: РОССИЯ И ЕВРОПА В КОНЦЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1716–1721 ГГ.)

Евгений Анисимов

Обычно в обобщающей литературе, посвященной истории Северной войны (1700–1721 гг.), конец этого самого длительного в истории России военного конфликта дается в подчеркнуто победных тонах. Это неудивительно: для России война с одной из сильнейших европейских держав, Швецией (являвшейся, в сущности, империей), закончилась полным триумфом, присоединением обширных богатых территорий, выходящих к Балтийскому морю. Благодаря этой победе, увенчавшейся Ништадтским миром в 1721 г., Россия стала Российской империей, вошла в число ведущих европейских держав, которые на протяжении последующих двух столетий решали судьбы Европы. Дипломатической истории завершения Россией Северной войны посвящено несколько фундаментальных исследований, основанных на источниках, что придает им непреходящую ценность, даже независимо от интерпретаций, обусловленных временем написания этих трудов и взглядами авторов¹. Но все же историческая наука примечательна тем, что всегда историку остается место для размышлений и анализа событий прошлого, независимо от степени их изученности. Работая над материалами истории последних лет Северной войны и начала послевоенного периода, невольно поражаешься, что Россия, победно закончившая Северную войну, при этом пребывала в полном дипломатическом одиночестве и даже в международной изоляции, без союзников и друзей.

Сразу отметим, что войны прошлого невозможно представить себе без коалиций, союзов, позволявших только в совместном давлении на противника объединенными усилиями добиться над ним преимущества и в конечном счете победы. Петр I прекрасно понимал значение союзнических отношений для решения своих внешнеполитических задач. Как известно, завершая

¹ Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950; Он же. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959; Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959; *Chance J. F. George I and the Northern War*. London, 1909; *Malmström C. G. Sveriges politiska historia från konung Karl XII: s död till statshvälfingen 1772*. Vol. 1. Stockholm, 1893.

пребывание в Европе с Великим посольством (1697–1698 гг.), он оказался в Вене с расчетом в переговорах с императором Леопольдом I укрепить союзнические отношения с Империей — тогда Россия вместе с Австрией, Венецией и Речью Посполитой, в составе Священной лиги, воевала против османов. Петр рассчитывал оживить вялотекущую войну с Турцией с тем, чтобы вырваться к Черному морю, получить для построенного в Воронеже флота гавань, обосноваться на берегу «настоящего» моря. Но надежды Петра не оправдались — Австрия откровенно шла на замирение с османами, и мечте Петра заполучить для России Керчь не было суждено сбыться. При этом царь понимал, что в одиночку бороться с тогда еще сильной Турцией Россия не может. Именно осознание этого непреложного факта стало причиной резкого изменения направления русской политики при сохранении ее главной идеи, которую можно выразить формулой «России нужно Море!». Речь шла о повороте на Север, к Балтийскому морю. Но и здесь Петру было ясно, что выйти на берег этого, как тогда говорили, «Шведского озера» можно только в союзе с другими державами, готовыми померяться силами со Швецией. В 1699 г. возник антишведский «Северный союз» России, Саксонии, Дании и позже примкнувшей к ним Речи Посполитой.

Но так случилось, что король Карл XII сразу же, в 1700 г., разбил Данию, Саксонию и Россию, и Северный союз распался. Однако, в отличие от Дании, а также Саксонии, Петр продолжал борьбу в одиночку: после поражения под Нарвой осенью 1700 г. он сумел быстро восстановить разбитую армию, укрепить тыл. Одновременно он и ведомая им дипломатия изо всех сил стремились восстановить прежний Северный союз или хотя бы удержать на своей стороне Саксонию в лице польского короля Августа II. Когда в 1706 г. Август II капитулировал перед Карлом XII, царь был почти в отчаянии. Он писал: «...безчашье наше вдруг от всех наших союзников безо всякой причины оставленными себя видеть»². Причины, конечно, были, они вполне универсальны. Как известно, в основе заключенных союзов лежит, прежде всего, взаимная выгода, однако соглашения оформляются в дискурсе персонифицированных этических норм: клятвенной верности, обещаний надежности, обязательности, того, что позже, в XIX в., формулировалось как «священная сила договоров». Однако, когда реальное понятие того, что тогда называлось «пользой», входило в противоречие с этими ритуальными нормами обязательств, предпочтение всегда отдавалось «пользе», что приводило к развалу союзов, сепаратным договорам. Удержать союзников или найти новых можно было только благодаря собственному военно-политическому могуществу, выраженному в победах на поле боя. А именно побед-то у России в начале войны и не было, ее саму теснил неугомонный Карл XII. Компенсируя утрату союзников, Россия стремилась привлечь Пруссию, а также Австрию. В отчаянии

2 Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 2.

русский посол в Вене князь П. А. Голицын в 1701 г. писал в Москву: «Главный министр граф Кауниц и говорить со мною не хочет, да и на других нельзя полагаться: они только смеются над нами <...> Всякими способами надобно домогаться получить над неприятелем победу. Сохрани Боже, если нынешнее лето так пройдет <...>. Непременно нужна нашему государю хотя малая виктория, которой имя его по-прежнему во всей Европе славилось»³.

И все же Петр, несмотря на неудачи в войне, не сдавался в поисках союзников, проявляя выдающиеся качества дипломата, демонстрируя умение проявлять терпение, гибкость, вести утомительные и зачастую обреченные на неудачу переговоры с партнерами, ловко использовать недостатки и просчеты противника. Так, царь сумел использовать внутривосточный конфликт и удержать в числе своих союзников часть магнатов Речи Посполитой как за счет своего личного влияния на гордых дружкой с царем вельмож, так и за счет бочек с деньгами, которые регулярно и бесстыдно требовали от него «дружественные» магнаты.

Победа русской армии над шведами под Полтавой летом 1709 г. привела к резкой смене декораций — Европа вдруг увидела Россию-победительницу. Сразу после знаменитого сражения Петр отправился в Европу пожинать дипломатические плоды, созревшие на Полтавском поле. Результаты поездки были в высшей степени успешны, ибо слава победителя Карла XII резко подняла престиж России, и Петр не только сумел восстановить Северный союз, но и расширить его за счет новых членов, Пруссии и Ганновера, исходивших из извечного принципа: с сильным дружить можно с выгодой. А выгода состояла в том, чтобы с помощью России (а по возможности ее руками) победить Швецию и поделить ее богатые северогерманские провинции. Именно эту цель и преследовала Померанская операция 1712–1713 гг., в которой участвовали датские, саксонские и русские войска под командованием самого Петра. Операция прошла успешно, шведское наследство (правда, не без скандала) было поделено. При этом Петр тогда не ставил перед собой никаких, как можно было бы ожидать, завоевательных планов. Лишить шведов последних заморских провинций и заставить их сесть за стол переговоров — таков был его план. И еще: раздел Шведской Померании между союзниками России открывал дорогу к вожделенной цели царя — признанию союзниками и вообще международным сообществом завоеваний России в Восточной Прибалтике. Однако шведы, утратив Померию, оставались непреклонны — не только упрямый король Карл XII, но и шведское общество, гордое прежним высоким имперским статусом своей державы, не было готово пойти на признание потери почти половины своих территорий, считая это унижением для государства, которого со времен Тридцатилетней войны

3 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. 15 // Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1998. С. 37–38.

опасалась вся Европа. Чтобы сломить упрямцев, в 1716 г. союзники (датчане и русские) запланировали десантную операцию на южном побережье собственно Швеции, в Сконе. С этой целью Петром была переброшена на десятках судов из России в Данию огромная русская армия, что само по себе выглядело (учитывая все логистические трудности тех времен) беспрецедентным деянием. И хотя в последний момент десантирование было отменено, 1716 г. стал годом триумфа Северного союза, который увенчался грандиозной военно-морской демонстрацией соединенного русско-датско-англо-голландского флота — командовал им адмирал Петр Михайлов.

Особо ценным было участие в этой демонстрации силы английского флота и союзного с ним голландского. Дело в том, что примкнувший к Северному союзу курфюрст Ганновера Георг Людвиг, с которым Петр наладил дружественные отношения, в 1714 г. стал английским королем Георгом I, что позволяло Петру надеяться на образование нового антишведского объединения уже не только с участием Ганновера, но также Англии и Голландии. Для этих надежд были основания: как известно, согласно принятому в Стокгольме Каперскому уставу 1715 г., капитаны шведских военных кораблей получили право беспрепятственно пиратствовать в водах Балтики. Это привело к аресту и ограблению сотен торговых кораблей разных стран и фактически нейтрализовало балтийскую торговлю, главными участниками которой были англичане и голландцы. Возмущению Лондона и Гааги не было предела, и именно поэтому англо-голландский флот и примкнул к союзному русско-датскому флоту. Под прикрытием этой устрашающей армады двинулись в плавание разом 700 торговых кораблей, ранее опасавшихся входить в Балтийское море.

Кроме дружественной морской демонстрации, тогда же совершались и важные дипломатические дела. Надежды Петра на единение с Англией оправдались, причем инициатором создания нового англо-русского союза, направленного против Швеции, выступил сам Георг I. Он, король-немец, непрочно сидевший на английском троне, остро нуждался в поддержке России как для защиты интересов его родного Ганновера, так и для международного признания его как законного монарха: известно, что королю противостояла мощная партия якобитов, желавших возвращения трона династии Стюартов. Так возникло политическое сближение России с Англией, немыслимое прежде. Оно сочеталось с завязавшимися дружескими отношениями короля и царя, причем Петр задумал даже породниться с Ганноверской династией, дав русскому послу в Гааге Б. И. Куракину поручение стороной провести насчет брака одной из царских дочерей с внуком короля Фредериком. Все это свидетельствовало о наступлении века англо-русской «доброй дружбы и корреспонденции»⁴.

4 Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 121.

Однако оказалось, что век этот был недолог и вскоре наступили времена охлаждения и даже вражды между прежними друзьями-союзниками, а от «доброй дружбы и корреспонденции» осталась только корреспонденция, да и то в виде нот и мемориалов, наполненных взаимными, подчас оскорбительными, обвинениями. Было несколько причин развала почти состоявшегося англо-русского альянса, который при удаче мог изменить всю международную ситуацию на севере Европы — ведь такой альянс, несомненно, привел бы к быстрому поражению Швеции, которая не могла сопротивляться 100-тысячной русской армии под прикрытием непобедимого английского флота. Конечно, это привело бы к восстановлению нормальной торговли на Балтике, к победе России... Но дальше такой союз не имел бы перспектив.

Из причин неизбежного англо-русского несогласия выделим две главные, так сказать тектонические, относящиеся к экономической и политической сферам. Как известно, появление в Европе России как новой могучей державы не приветствовалось другими державами. Московия на Западе традиционно представлялась пассивным торговым партнером, обеспечивавшим экономику Европы сырьем. Собственно, с Петровскими реформами в этом смысле изменилось мало — Россия по-прежнему была поставщиком преимущественно сырья и полуфабрикатов: не будем забывать, что «пробуждение» металлургического Урала при Петре лишь дополнило традиционные поставки пеньки, леса и прочих полуфабрикатов металлом в виде чугунных чушек, железных полос и медных слитков, не более того. Но различие с прежней эпохой состояло в широко разрекламированном намерении Петра выйти самостоятельно на международный рынок, наладить производство своих товаров, построить собственный торговый флот и, подобно Англии и Голландии, обогащаться за счет коммерции, что укладывалось в популярные тогда концепции меркантилизма и протекционизма. Пример Петру демонстрировала богатая, но не имевшая собственных природных ресурсов (не считая ветра и воды) Голландия. Зато у предприимчивых голландцев были колонии во всех частях света, а мировой океан бороздили 10 тыс. кораблей! Планы Петра, обожавшего все голландское, были грандиозны, он даже начал их осуществлять, посылая первые торговые корабли с русскими товарами (пока преимущественно с сырьем) во Францию, Испанию, Италию. Вот тут-то и возникало неизбежное противоречие, которое, применительно к русско-голландским, ранее столь прочным, отношениям, сформулировал историк Хансван Конингсбрюгге: это противоречие было «связано с несовместимостью принципов, на которых зиждилась политика той и другой стороны. Республика отстаивала свободу торговли, Россия — протекционизм. Для экономики, только начавшей бурно развиваться как российская при Петре, выбор в пользу меркантилизма, защиты собственной промышленности и торговли можно считать практически неизбежным. Такой выбор проявился, в частности, в той почти маниакальной одержимости, с которой Петр отстаивал свой Петербург. То, что в Голландии, и особенно в Амстердаме, этого не понимали, нисколько

не удивляет. Там рассуждали иначе. Поддержав Россию в Северной войне оружием, деньгами и специалистами, голландцы внесли фундаментальный вклад в ее победу над Швецией. Так разве русский царь не в долгу перед ними? При таких рассуждениях забывалось, что государственные интересы могли потребовать от царя совсем иной политики и что удержать растущую мощь России под контролем было бы трудно <...>. Лучшие дни дружбы между двумя странами отошли в прошлое»⁵. Это наблюдение можно распространить и на русско-английские отношения, только доля политических противоречий в них была значительно больше доли проблем экономических. Дело в том, что грядущая неизбежная победа России над Швецией резко усиливала Россию и она, ведомая своим честолюбивым правителем, намеревалась не только торговать, но и активно войти в «европейскую игру» великих держав и, по крайней мере, занять в ней почетное место Швеции и достичь ее гегемонии на Балтике (*dominium maris Baltici*). Победы над шведами резко подняли уровень притязаний России, властитель которой сам поражался своим успехам и «метаморфозису», происшедшему с его страной, которая ранее, в XVII в., была общепризнанным международным аутсайдером. С этими переменами связана решительная смена Петром идеологией царствования. Он полностью отказался от традиционной роли России — наследницы Византии со всеми характерными для этого наследства идеологическими и символическими атрибутами и титулами. Византия, погибшая из-за своей военной и политической немощи, представлялась Петру неудачным примером для подражания. Теперь образцом для него стала «римская модель» эпохи расцвета Древнего Рима, что привело к резкой смене не только атрибутики и символики российской государственности, но и к изменению внешнеполитических приоритетов. В рассматриваемое время, еще задолго до провозглашения Российской империи в 1721 г., петровские дипломаты добивались признания России империей⁶. Претензии Петра на новое место России в мировой политике и его имперские аппетиты росли на глазах. Скромно начав в 1700 г. с освобождения новгородских «отчин и дедин» и заявляя, что ему «ни единой шведской деревни» не нужно, в 1710 г. Петр не просто завладел не принадлежавшими прежде России Эстляндией и Лифляндией, но заставил их жителей присягнуть ему как подданным, т. е. включил их земли в состав России. Затем были полностью оккупированы Финляндия и фактически Курляндия, где стояли русские войска. Но на этом царь не собирался останавливаться. Для этого у него были реальные силы, и в Европе в том убедились:

5 Кониингсбрюгге Х. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. СПб., 2014. С. 117–118, 143–144.

6 Anderson M. S. Peter the Great. London, 1978. P. 317; Chance J. F. George I and the Northern War: A Study of British-Hanoverian Policy in the North of Europe in the Years 1709 to 1721. Michigan, 2006. P. 225–229.